Мирон Брейтман

ХУАН МАЗАЛЬТОВ

ОПЕРАЦИЯ: ТЕКИЛА НАВСЕГДА

18+

Мирон Брейтман

Хуан Мазальтов. Операция: «Текила навсегда»

«Автор»
2026

Брейтман М.

Хуан Мазальтов. Операция: «Текила навсегда» / М. Брейтман — «Автор», 2026

Когда секретная операция превращается в череду международных катастроф, а враги оказываются куда изобретательнее, чем предполагалось, агент Хуан Мазальтов понимает: привычные методы разведки здесь не помогут.От Лиссабона до Мексики, от опасных расследований до совершенно невероятных приключений — его ждут тайны, предательства, странные союзники и противник, чьи планы могут изменить саму природу человеческой свободы.Хуану предстоит выяснить, кому можно доверять, кто стоит за заговором и почему иногда самое опасное оружие — это собственное чувство юмора.

© Брейтман М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек с усами 5
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Мирон Брейтман
Хуан Мазальтов. Операция: «Текила навсегда»

Глава 1. Человек с усами

В 23:47 по лиссабонскому времени Хуан Мазальтов сидел за свадебным столом, в чужом смокинге, на чужой свадьбе, и сохранял полное спокойствие.

Это было удивительно, потому что в пяти метрах от него, в пятиярусном торте, тикала бомба.

Хуан заметил её ещё во время первого танца молодожёнов. Тогда как раз выяснилось, что у марципановой невесты на вершине торта мигает красный глаз. Марципановые невесты так себя не ведут. Живые, впрочем, тоже, но живые хотя бы моргают с перерывами.

«Торт, — подумал Хуан с лёгким разочарованием. — В семьдесят четвёртом это ещё могло быть оригинально. Сейчас человек, который прячет взрывчатку в десерте, просто не уважает профессию».

Он взял бокал, сделал глоток и огляделся.

Зал на двести гостей. Сто восемьдесят из них были родственниками жениха и пили так, будто готовились к зиме. Ещё десять были родственниками невесты и пили так, будто готовились к войне. Остальные десять были людьми Томаша Баррозу, торговца оружием, которого Хуан искал вот уже одиннадцать месяцев и который, как оказалось, всё это время был дядей жениха. Хуан нашёл его по ушам. У Баррозу были уши человека, который ни разу в жизни не слушал советов.

Хуан встретил его в самом начале вечера у фонтана с шампанским.

— Вы с чьей стороны? — спросил Баррозу, прищурившись.

— С обеих, — ответил Хуан. — Я мирю семьи. Профессионально.

— И как идёт?

— Пока никто не умер, — сказал Хуан и улыбнулся так, что Баррозу невольно проверил, на месте ли бумажник.

Теперь, три часа и четырнадцать тостов спустя, к столику Хуана подошёл официант с лицом человека, которому заплатили за это лицо дополнительно.

— Сеньор, — сказал официант тихо, — вас просят пройти на кухню.

— Передайте, что я занят. У меня здесь недопитый бокал, незаконченный разговор с бабушкой невесты и очень интересное ощущение, что торт сейчас взорвётся.

Официант побледнел.

— Вы... знаете?

— Молодой человек, у торта глаз. Красный. И он мигает с частотой, которая в природе встречается только у бытовой электроники и у людей, которые вот-вот соврут налоговой. Идите, скажите Томашу, что я всё понял, но хочу доесть салат.

Из-за спины официанта выросли двое. Это были те самые «десять человек Баррозу», или как минимум двое из них: огромные, аккуратно причёсанные и одинаково несчастные в смокингах, которые были им малы на два размера и на одну жизненную философию.

Один уткнул что-то твёрдое Хуану под лопатку.

— Руки на стол, — сказал он по-португальски с сильным акцентом человека, который учил язык по видеоурокам для автомобилистов.

— Конечно, — ответил Хуан по-португальски без всякого акцента, что было почти оскорбительно. — Только позвольте уточнить: «на стол» — это на скатерть или поверх тарелки? Я не хочу нарушить протокол. Это всё-таки свадьба.

Громила замялся. На допросах этому его не учили.

— На скатерть, — решил он наконец.

— Благодарю. И раз уж я теперь вынужден сидеть неподвижно, будьте любезны, закажите мне «Эль Президенте». Нет, не мартини. Мартини у нас теперь все пьют, а я не хочу ничего общего с толпой. «Эль Президенте». Со льдом. И, если можно, чтобы вишня была настоящая, а не из тех, что красят на заводе.

Громила машинально повернулся к официанту:

— Эль... чего?

Это была ошибка. Ошибки такого рода у профессионалов называются «окном возможностей», а у Хуана Мазальтова назывались «вторник».

Дальнейшее заняло четыре секунды.

Хуан поднял правую руку, и вместе с ней поднялась тарелка с салатом. Тарелка нашла лицо громилы, лицо нашло тарелку. Пока громила разбирался в происходящем, Хуан уже стоял, развернувшись боком, и ребром ладони отправил его напарника в объятия оркестра. Напарник прошёл сквозь контрабас и оставил в нём память о себе в форме человеческого силуэта.

— Прошу прощения, — сказал Хуан контрабасисту. — За ущерб заплатит организатор.

По залу уже прокатился визг. Гости, как водится, решили, что это часть программы. Бабушка невесты захлопала в ладоши.

— Какой прекрасный аниматор! — воскликнула она. — Вы слышали? Он знает три языка!

Хуан поклонился ей на ходу, перехватил подкатывающую тележку с шампанским, перепрыгнул через неё и направился к торту. До взрыва оставалось ровно сорок секунд.

Таймер на дне пятого яруса светился красным. 00:40. 00:39. Хуан присел рядом и мгновенно оценил обстановку: проводов было три. Красный, синий и... розовый. Розовый — это уже перебор. Видимо, злодей хотел, чтобы всё сочеталось с декором.

— Ну конечно, — вздохнул Хуан. — Розовый. В кино перерезают красный или синий. А настоящая бомба — всегда розовая. Потому что она сделана человеком с богатой фантазией и абсолютно без вкуса.

В зале наступила тишина. Баррозу стоял у выхода из кухни и смотрел, как в замедленной съёмке, потому что именно так обычно смотрят люди, которые вложили в бомбу сорок тысяч евро.

— Вы не успеете! — крикнул он.

— Как раз успеваю, — отозвался Хуан. — У меня ещё тридцать секунд. Для вас это много. Для меня — почти пауза.

Он взял с тележки церемониальный нож для торта. Длинный, серебряный, с гравировкой «Ана и Руи, 2026. Любовь навсегда». Вес был хороший. Баланс — хороший. Хуан встал и стал разглядывать торт так, как профессиональный скульптор разглядывает мрамор.

— Что вы делаете? — прошептала невеста, которая появилась рядом в слезах и фате.

— Режу торт, — ответил Хуан. — Это же традиция. Только сначала нужно разрезать провода, а потом вручить вам первый кусок.

— Вы шутите.

— Ровно на одну пятую, — сказал Хуан. — Остальное — серьёзно.

Он ударил.

Нож вошёл в третий ярус под таким углом, который можно было вычислить только по внутреннему компасу, вшитому в характер. Лезвие миновало крем, миновало бисквит, миновало шоколадный ганаш и точным, красивым движением перерезало все три провода сразу.

Таймер замер на 00:03.

Наступила тишина. Такая тишина обычно возникает в театре, когда актёр забыл текст, а суфлёр пошёл курить.

Потом из торта раздался тихий, смущённый писк. И красный глаз у невесты на вершине погас.

Хуан достал из нагрудного кармана платок, вытер нож, положил на тележку и обратился к залу:

— Дамы и господа, торт безопасен. Рекомендую начинку из фисташек. И всем огромное спасибо за прекрасный вечер.

Зал взорвался аплодисментами, как раз вовремя, чтобы заглушить звук, с которым Баррозу убегал через кухню. О том, как Хуан догнал его, как они вместе прошли через два склада и один бассейн с живыми омарами и как Баррозу оказался в наручниках с бантиком на запястье, мы расскажем как-нибудь потом. Это отдельная история. В ней много крика и один пострадавший омар.

Главное сейчас — другое.

Как только Хуан вернулся в зал, у него в нагрудном кармане завибрировал телефон. Мелодия была выбрана лично Хуаном, чтобы никто в мире не догадался, что это служебный звонок: оркестровая версия «Ла Кукарачи».

— Слушаю, — сказал он.

— Хуан, — произнёс холодный женский голос на том конце линии. — Это Пенни. Вы нужны в Лондоне.

— Я в Лиссабоне.

— Я знаю, где вы находитесь. В вашем смокинге мы установили маячок.

— Это не мой смокинг.

— Значит, мы установили маячок в чужой смокинг. Совещание в девять утра. Дама Элеонора настаивает.

— Сейчас полночь.

— Вот видите, у вас целых девять часов.

Хуан посмотрел на часы. Потом на бабушку невесты, которая уже махала ему из-за стола, держа огромный кусок торта. Потом на невесту, которая вытирала слёзы и смотрела на него взглядом, в котором уже начали вызревать далеко идущие планы. Потом снова на часы.

— Передайте даме Элеоноре, что я буду вовремя.

— Вы никогда не бываете вовремя.

— Я не опаздываю, Пенни, — сказал Хуан. — Просто остальные приходят слишком рано.

Он повесил трубку.

— А вы правда аниматор? — спросила невеста.

Хуан допил бокал до дна и достал из кармана визитную карточку. На ней было написано только одно слово: «Мазальтов». Ни телефона, ни адреса, ни должности.

— В каком-то смысле, — сказал он, — я здесь, чтобы вам было весело.

И ушёл. Бабушка, которая ничего не поняла, но всё одобрила, помахала ему вслед куском торта. Когда Хуан скрылся за дверью, бабушка вздохнула:

— Какой мужчина. Вот бы мне сорок лет назад.

— Бабушка, — прошептала невеста, — вам и сейчас можно.

Лондон встретил Хуана дождём, который шёл так обстоятельно, будто у него было расписание. Это был британский дождь: никому не мешающий, ни у кого не спрашивающий разрешения и не заканчивающийся никогда.

Здание на набережной Темзы, которое весь мир знал как Воксхолл-Кросс, а все сотрудники называли «Домом», выглядело так, как и положено выглядеть зданию, где работают люди, чьи имена в телефонных справочниках встречаются только на чужих надгробиях: стекло, бетон, ни одной вывески и странное ощущение, что оно за вами наблюдает.

Совещание было назначено на девять ноль-ноль.

Хуан вошёл в вестибюль в десять пятьдесят две.

По его внутренним часам он пришёл на восемь минут раньше. Он всегда считал, что совещание начинается тогда, когда он появляется. Остальное было репетицией.

Хуан был одет так, как одеваются мужчины, у которых портной — единственный человек, перед которым им не стыдно раздеваться: тёмно-серый костюм, белоснежная рубашка, галстук цвета «вино, которое стоит дороже вашей машины». Лацканы лежали так, словно были воспитаны в закрытой школе. На левой руке — часы, которые не показывали ничего необычного, и именно это было в них самым необычным.

И усы.

Это были великолепные усы. Тяжёлые, ухоженные, густые, как мексиканская ночь, и такие же загадочные. Они жили на его лице собственной жизнью и, казалось, обладали правом голоса.

В левой руке Хуан держал бутылку «Эррадура Репосадо» на литр. В правой — зонт. Зонт был закрыт, несмотря на дождь, потому что Хуан считал: человек, который открывает зонт, признаёт, что погода сильнее его.

Охранник в будке на входе, молодой человек по имени Брайан, поднял глаза от монитора и замер.

— Доброе утро, сэр. Ваш пропуск?

— Брайан, — сказал Хуан ласково, — мы с вами знакомы шесть лет.

— Да, сэр. Но система не знакома.

Брайан развернул монитор. На экране мигала красная рамка вокруг лица Хуана, а внизу стояла подпись: «ОБЪЕКТ НЕ ОПОЗНАН. ВОЗМОЖНАЯ УГРОЗА: РАСТИТЕЛЬНОСТЬ НА ЛИЦЕ».

— Система «Цербер-7», — пояснил Брайан виновато. — Её обновили в понедельник. Она теперь учится на ошибках. И считает, что вы — усы, к которым прикреплён человек.

— А не наоборот?

— Нет, сэр. Она сказала, что это отдельный вид.

Хуан посмотрел на монитор. Монитор, как ему показалось, посмотрел на него в ответ с явным презрением.

— Брайан, — сказал он. — Передайте «Церберу», что эти усы — не маскировка. Это дипломатический инструмент.

— Я пытался, сэр. Он не слушает. Но, — Брайан понизил голос, — я могу записать, что вы пришли с официальным визитом от Королевской мексиканской делегации. Это, кажется, сработает.

— Вы гений, Брайан.

— Спасибо, сэр. Я полгода сижу на этой должности. Без повышения.

— А я двенадцать лет без повышения, — сказал Хуан. — И знаете что? Мне нравится. Свобода от иллюзий.

Брайан нажал какую-то кнопку. Система подумала, мигнула и выдала на экране: «ДОСТУП РАЗРЕШЁН. ОДОБРЕНО: ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ЛИЦО. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: НЕ СМОТРЕТЬ ПРЯМО НА УСЫ».

Хуан поблагодарил, взял бутылку подмышку и двинулся к лифту.

— Сэр! — окликнул Брайан. — А бутылка?

— Что — бутылка?

— Алкоголь на территории запрещён.

— Это не алкоголь, Брайан. Это вещественное доказательство.

— Чего?

— Пока не знаю. Но к концу дня выясню.

Лифт был зеркальным. Это была одна из тех коварных конструкций, которые заставляют человека смотреть на себя семь этажей подряд. Большинство сотрудников «Дома» выходили из него с лёгким пониманием того, что жизнь не удалась. Хуан вышел из него с пониманием того, что усы, пожалуй, стоило бы подровнять с левой стороны на полмиллиметра.

Зал совещаний номер четыре все называли «Аквариумом». Стены в нём были стеклянные, чтобы никто не мог сказать, что от него что-то скрывают, и звуконепроницаемые, чтобы никто не мог услышать, что именно. Получалось идеальное британское решение: всё прозрачно, и ничего не понятно.

В «Аквариуме» ждали четверо.

Во главе стола сидела дама Элеонора Грейвс-Стоун, директор Секретной разведывательной службы, которую все, включая её собственную мать, называли «Мэм». Ей было шестьдесят два, и она обладала редким даром смотреть на людей так, будто они уже опоздали, даже если пришли за час до начала. Волосы у неё были серебряные и уложенные так жёстко, что в случае пожара могли бы послужить укрытием. Перед ней стоял чай. К чаю она не притрагивалась уже сорок минут, потому что чай остыл, а допивать остывший чай — это, по её мнению, первый шаг к капитуляции.

Справа от неё расположилась Пенни Манилоу, личный помощник директора. У Пенни были идеальная осанка, идеальный пучок и идеальное выражение лица, которое можно было описать как «я знаю, что вы натворили, и у меня есть таблица». Она была единственным человеком в Доме, кого Хуан побаивался. Он никогда не признавался в этом вслух, но однажды, когда она попросила его заполнить отчёт о расходах, он заполнил его за двадцать минут. Это был его личный рекорд скорости.

Слева сидел Перси Уэзерби, аналитик. Молодой, бледный, в очках, в свитере с оленями, хотя был ноябрь, а не декабрь. Перси знал всё о том, что происходит в мире, и ничего о том, как с этим жить. Перед ним лежал планшет, и он обнимал его обеими руками, как человек, которого только что спасли из воды.

И в конце стола, как тень, как напоминание о налогах, сидел Дадли Крамб из финансового отдела. У Дадли было лицо, которое выглядело так, словно его выдали в комплекте с калькулятором. Перед ним лежала папка. Папка была толстая. На ней крупными буквами стояло: «МАЗАЛЬТОВ Х. — МИНИ-БАР».

Хуан вошёл, поставил зонт в угол, бутылку на стол и сел. Не на свободный стул у двери, а на тот, что рядом с дамой Элеонорой. Любой другой сотрудник Службы счёл бы это самоубийством. Хуан счёл это вопросом удобства.

— Доброе утро, мэм.

Дама Элеонора медленно повернула голову. Взгляд её был так же тёпл, как торговый центр в три часа ночи.

— Сейчас одиннадцать ноль две.

— В Мехико ещё утро, мэм. Я работаю по мексиканскому времени.

— Вы сегодня ночью были в Лиссабоне.

— В Лиссабоне я тоже работал по мексиканскому. Это очень экономит силы.

— Совещание назначено на девять.

— Мэм, — сказал Хуан мягко, — мы живём в разных часовых поясах. Вы в гринвичском. Я — в хуановском. Он, правда, ещё не признан международным сообществом, но я работаю над этим.

Пенни закрыла глаза. Перси сделал вид, что у него зазвонил телефон, которого у него не было. Дадли Крамб что-то записал в блокнот. Судя по движению ручки, это была цифра.

Дама Элеонора смотрела на Хуана ещё секунд пять. Затем перевела взгляд на его лицо. Точнее, на то, что на нём росло.

— Агент Мазальтов.

— Да, мэм.

— Почему вы изменили внешность?

— Мэм, это не маскировка...

— Мне уже доложили, — сказала дама Элеонора. — Дипломатический инструмент. «Цербер-7» зафиксировал вашу растительность как «неопознанное явление» и вызвал двух психологов поддержки. Один из них до сих пор в медпункте. Он повторяет слово «ласточка».

— Это нормальная реакция на мои усы, мэм. Они действуют на людей глубже, чем думают.

— Хуан, — произнесла она тоном, которым обычно произносят «я тебя предупреждала». — Вы родились в Хайфе. Ваш отец был часовщиком. Ваша мать преподавала математику. Вы закончили Технион, затем службу в армии, затем по линии нашей Службы прошли подготовку в Форт-Монктоне, и двенадцать лет назад мы отправили вас в Мексику под легендой потомственного гранда.

— Дон Хуан Игнасио Мазальтов-и-Гальвес-де-Монтеррей, мэм. К вашим услугам.

— Вот этого я и опасаюсь, — сказала дама Элеонора. — За эти двенадцать лет вы вошли в образ так глубоко, что у нас в досье уже нет графы, где заканчивается легенда и начинается человек. Мы пробовали разобраться. В прошлом году Перси составил диаграмму.

Перси послушно развернул планшет. На экране красовалась схема с двумя пересекающимися кругами, над которыми стояла подпись «Хуан настоящий» и «Хуан придуманный». Круги полностью совпадали. В центре, мелкими буквами, было написано: «Мы не знаем».

— Я вас не критикую, — заметила дама Элеонора. — Я констатирую.

— Вы очень любезны, мэм.

— Мы с вами оба знаем, что у вас на трёх гасиендах нет ни одного работающего водопровода.

— Потому что гасиенд, мэм, не существует. Это легенда.

— Но налоговая задолженность по ним существует.

Хуан поднял бровь. Правую. Левая у него вообще мало двигалась, но правая была выразительная, как диктор центрального телевидения.

— Это тоже часть легенды?

— Это часть моего бюджета, — сказал Дадли Крамб.

Все повернулись. Дадли, обычно молчавший, раскрыл папку с нежностью человека, раскрывающего семейный альбом.

— Если позволите, мэм, — начал он. — Прежде чем мы перейдём к основному вопросу, мне необходимо зафиксировать в протоколе, что агент Мазальтов задолжал Службе сорок одну тысячу триста семьдесят два фунта.

— Я думал, мы договорились, что это мелочь.

— Это не мелочь, — тихо ответил Дадли. — Это мини-бар.

Он открыл папку. Внутри лежали счета. Много счетов. Счета были цветные, потому что Дадли раскладывал их по городам.

— Мини-бар в «Ритце» в Париже, — прочитал он. — Мини-бар в «Бристоле» в Вене. Мини-бар в «Пенинсуле» в Гонконге. Мини-бар в «Адлоне» в Берлине. Мини-бар в Стамбуле,

три раза. Мини-бар в Токио, пять раз. И, — он на секунду запнулся, — мини-бар на антарктической станции «Хэлли-6».

— На станции не было мини-бара, — сказал Хуан. — Я привёз свой.

— И включили в счёт Службы!

— Дадли, там было минус тридцать пять. Алкоголь был единственным, что не превращалось в камень. Я, считайте, спасал имущество Её Величества.

— Вы выпили имущество Её Величества!

— Вот видите. Значит, спас не полностью.

Дадли побелел. Перси хихикнул в рукав свитера с оленями. Пенни постучала ручкой по столу, и звук был таким, будто кто-то закрыл крышку гроба.

— Мы вынуждены оформить это как пожизненный долг, — сообщил Дадли дрожащим голосом. — Он будет вычитаться из вашей зарплаты. Ежемесячно. До конца жизни. И, по закону, сэр, переходит на ваших наследников.

— У меня нет наследников.

— Тогда он переходит на вашу собаку.

— У меня нет собаки.

— Значит, на вашу текилу, — сказал Дадли и испугался собственных слов.

Хуан задумался. На лице его появилось выражение человека, которому впервые за двенадцать лет сделали выгодное предложение.

— Моя текила, — произнёс он медленно, — переживёт нас всех. Беру. Подпишите.

— Хуан, — перебила дама Элеонора. — Достаточно.

Дадли закрыл папку и сел, словно сдулся. Хуан кивнул ему с глубоким уважением. Они с Дадли, подумалось Хуану, были, в сущности, одним и тем же человеком. Просто Дадли считал деньги, а Хуан их тратил, и в этом разделении труда заключалась вся экономика Королевства.

Дама Элеонора выпрямилась. Атмосфера в «Аквариуме» мгновенно изменилась: как будто кто-то выключил смех и включил осень.

— Перси.

Перси нажал кнопку на планшете. Стеклянная стена за спиной дамы Элеоноры потемнела и превратилась в экран. На нём возникла фотография мужчины лет сорока: строгий пробор, невыразительные брови и тот особый взгляд, который бывает только у англичан и у рыб, выложенных на лёд.

— Агент Седрик Фробишер, — сказала дама Элеонора. — Позывной «Чайник». Четырнадцать лет службы. Шесть месяцев назад мы направили его в Мексику для расследования деятельности неизвестной организации, чьё имя пока что всплывало в перехватах как «Лос Инферналес». Три дня назад он был найден мёртвым в ресторане в Мехико.

— Как? — спросил Хуан. Голос его изменился. Не стал громче, наоборот, стал тише. Те, кто знал Хуана Мазальтова давно, понимали: когда он перестаёт шутить, нужно либо бежать, либо молиться за тех, кого он ищет.

— Официально — сердечный приступ. Он сидел за столиком в ресторане «Ла Калавера Дорада», заказал тако, получил тако и умер, не успев его съесть. Тако остыло. Официанты утверждают, что к столику никто не подходил.

— А неофициально?

Пенни положила на стол снимок. Крупный план шеи. Маленькая красная точка за правым ухом.

— Инъекция, — сказала она. — Яд, которого мексиканская лаборатория не обнаружила. Наш патологоанатом тоже. Но у нас есть Перси.

— У нас есть Перси, — повторил Перси с достоинством. — И я с высокой вероятностью могу утверждать, что это не сердечный приступ.

— С высокой — это насколько? — спросил Хуан.

— Девяносто четыре процента.

— А остальные шесть?

— Остальные шесть, сэр, я оставляю на случай, если ошибаюсь.

Хуан посмотрел на него с уважением. В службе, где половина людей была уверена в стопроцентной правоте, а вторая половина — в стопроцентной вине, человек, оставляющий шесть процентов на ошибку, выглядел почти святым.

— Перед смертью, — продолжила дама Элеонора, — Фробишер успел отправить нам аудиосообщение. Тридцать одна секунда. Мы расшифровали шум, убрали посторонние звуки и восстановили то, что смогли. Пенни.

Пенни нажала кнопку.

На секунду стало очень тихо. Затем из динамиков раздался шум ресторана: звон посуды, гитара где-то вдалеке, смех. И сквозь него, прерывающийся, сдавленный голос с безупречным оксфордским акцентом:

«...Хуан, нет... не Хуан... кто угодно, но не... Они готовят... «Сомбреро»... Это не про шляпы... Они... вода... Текила никогда не врёт...»

Дальше раздавался глухой стук, будто на пол упала чашка. Потом звук разбитого стекла. Потом чья-то гитара сыграла три аккорда, и запись оборвалась.

Тишина в «Аквариуме» повисла такая, что можно было услышать, как у Дадли в голове шевелятся цифры.

— «Не Хуан», — повторил Хуан негромко. — Он назвал моё имя.

— Мы заметили, — сказала дама Элеонора.

— Он сказал «не Хуан». «Кто угодно, но не Хуан».

— Мы заметили, — повторила дама Элеонора с той особой интонацией, которая у англичан означает «я сейчас закричу, но воспитание не позволяет».

— Это значит, что ему было приказано... не просить меня. Или что он знал, что меня как раз захотят использовать. Или...

— Или, — подхватила Пенни, — он имел в виду, что вы — последний человек, которого следует посылать в Мексику.

— Это то же самое, мэм.

— Не совсем.

Хуан задумался. Затем взял со стола бутылку «Эррадура», открыл её с мягким щелчком и налил себе в кофейную чашку, из которой, как он только сейчас заметил, не пил никто и никогда.

— Хуан, — сказала дама Элеонора. — Вы же не собираетесь пить текилу на совещании.

— Это не питьё, мэм. Это мышление.

Он поднёс чашку к лицу и, не отпив, долго вдыхал аромат. Потом поставил её на стол.

— Мэм. Вы знали Фробишера лично?

— Я принимала его на службу.

— Какой напиток он любил?

Дама Элеонора ответила не сразу. Лицо её слегка изменилось: она была женщиной, которая не ожидала вопроса и ненавидела ситуации, где не ожидаешь вопросов.

— Чай, — сказала она наконец. — Только чай. «Эрл Грей», с каплей молока. Он считал алкоголь... расточительством.

— То есть он был человеком, который не пил.

— Совсем.

— И не терпел, когда пили другие?

— Он однажды выписал взыскание подчинённому за то, что тот держал виски в ящике стола.

— Значит, — сказал Хуан, — Седрик Фробишер, умирая, из всех слов мира выбрал то, которое ненавидел больше всего. «Текила». И добавил: «никогда не врёт». Мэм, человек в предсмертной агонии не тратит последние секунды на пустую фразу. Если он сказал «текила», это не напиток. Это шифр. Или адрес. Или имя.

— Или бред, — вставил Дадли и тут же втянул голову в плечи.

— Или бред, — согласился Хуан. — Бывает. Но Фробишер был англичанином. Англичане, Дадли, не бредят. Они держат лицо до последнего, а потом тихо отправляют чек.

Пенни и Перси переглянулись. Это была та редкая секунда в жизни Службы, когда два человека одновременно подумали одно и то же: «Господи, он прав».

— Что ещё у нас есть? — спросил Хуан.

— Одна вещь, — сказала Пенни и положила на стол запечатанный пакет. — Вместе с аудиосообщением Фробишер успел отправить курьерской почтой визитку. Она пришла к нам через неделю после его смерти. Мы не знаем, как он это сделал.

— Он умер раньше, чем визитка пришла?

— Он отправил её за сутки до смерти. Видимо, предчувствовал.

Хуан вскрыл пакет и достал карточку. Плотный картон, золотое тиснение, чёрные буквы: «La Calavera Dorada. Cocina de la Muerte». Ниже, мелко: «Avenida Reforma 142, Ciudad de México». Внизу чуть смазанное пятно. Хуан поднёс карточку к носу. Закрыл глаза.

— Что вы делаете? — шёпотом спросил Перси.

— Работаю, — сказал Хуан.

— Но вы нюхаете карточку.

— Это способ работы.

Он долго молчал. В комнате можно было услышать, как Дадли пересчитывает в уме миллионы.

— Агава, — сказал наконец Хуан. — Не синяя. Эспадин. Из Оахаки, судя по дыму: её томили в земляных ямах с мескитовым углём. Никакой химии, никакого красителя. И ещё — сигара. Дорогая. «Кохиба» или что-то из той же линейки. И ещё запах... — он помолчал. — Дешёвой совести.

— Чего? — переспросил Перси.

— Человек, который держал эту карточку до Фробишера, курил отличные сигары, пил хорошую текилу и совершил за последние сутки что-то такое, о чём предпочитает не думать. Такое сочетание я чувствую с двадцати шагов. Это мой дар, Перси. Иногда проклятье.

— Вы определили это по запаху? — спросила дама Элеонора.

— Я определил это по запаху, по плотности бумаги и по тому, что пятно в нижнем углу — это не жир, не кетчуп и не кровь. Это соль. Соль по краю бокала. Карточку держала рука, только что снявшая бокал с маргаритой. Значит, человек сидел за стойкой, а не за столом. Значит, был один. Значит, ждал.

— Кого?

— Пока не знаю, — признался Хуан. — Но знаю, где его искать.

Он встал. Пиджак застегнулся на одну пуговицу, как будто сам. У Хуана был талант: одежда на нём вела себя лучше, чем люди вокруг.

— Значит, Мехико, — сказал Хуан.

— Мехико, — подтвердила дама Элеонора. — Вы вылетаете сегодня вечером. На месте вас встретит представитель местной разведки. Она будет вашим связным, если, конечно, вы оба переживёте первые сутки.

— Она?

— Она.

— Она красива?

— Она опасна, — сказала дама Элеонора. — Для таких, как вы, это одно и то же. Не усложняйте.

— Мэм, я никогда ничего не усложняю.

— Вы усложняете даже заказ кофе.

— Кофе, мэм, это не заказ. Это ритуал.

Пенни молча протянула ему папку с билетами. Хуан открыл её, посмотрел и аккуратно закрыл.

— Здесь экономкласс.

— Да, — подтвердил Дадли Крамб. — Это решение финансового отдела.

— Дадли, — сказал Хуан очень ласково. — Вы хотите, чтобы я спас мир или чтобы я ехал в среднем ряду между мужчиной, который снимает носки, и ребёнком, который задаёт вопросы про смерть?

— Бюджет...

— Первый класс — это не роскошь, Дадли. Это боевая готовность. В первом классе я высыпаюсь. А выспавшийся агент убивает меньше народу и по более веским причинам.

Дадли открыл рот. Закрыл. Достал калькулятор. Начал считать. Через минуту поднял глаза и произнёс с таким выражением, словно сдавал кровь:

— Первый класс.

— И шампанское, — добавил Хуан.

— Шампанское входит.

— Хорошее шампанское.

— Не злоупотребляйте.

Хуан поклонился ему с настоящей благодарностью. В конце концов, Дадли тоже был человеком, и у него тоже, наверное, была какая-то жизнь. Хотя в это верилось с трудом.

Именно в эту секунду дверь «Аквариума» распахнулась, и в комнату влетел человек.

Точнее, влетел сначала халат, а потом уже человек, который в нём находился. Халат был когда-то белым. Теперь он был цвета последствий. На лацкане красовалось обгоревшее пятно в форме Австралии. Из кармана торчали три отвёртки, ложка и что-то похожее на засушенный палец.

— Простите! Простите, простите! — закричал человек. — Я опоздал? Я не опоздал? Ой, я опоздал.

Это был Квентин Пембертон, начальник технического отдела Службы. Худой, лохматый, с очками на одном ухе и вдохновением в обоих глазах. Он был гением. Вот только гениальность его была такого свойства, что человечество пока не научилось ею пользоваться.

— Хуан! — обрадовался он. — Хуан, дорогой! Вы слышали? Вас отправляют в Мексику! Я подготовил вам кое-что. Это совершенно безопасно!

Хуан закрыл глаза.

— Квентин, в прошлый раз вы тоже сказали «совершенно безопасно». У меня до сих пор в левом ухе звенит фрагмент вашего зонта.

— Это была не вина зонта! Это была вина дождя! Я не учёл влажность!

— В Лондоне, Квентин.

— Я не учёл влажность в Лондоне, — признал Квентин с достоинством учёного, которому не позволяют закончить эксперимент. — Но в этот раз всё иначе! Смотрите!

— Квентин, — сказал Хуан, — я бы объяснил вам, что именно в этой фразе меня настораживает, но у нас нет времени на вашу некомпетентность.

— До вылета ещё целый день!

— Вот именно. Целый день, чтобы пожалеть.

Он полез в карман халата и достал зажигалку. Это была красивая, тяжёлая, чёрная зажигалка с серебряным ободком. Хуан, у которого было слабое место на красивые вещи, невольно протянул руку.

— Что она делает?

— Взрывается! — сказал Квентин с гордостью.

— Когда?

— Когда вы нажимаете вот сюда, потом сюда, потом поворачиваете колёсико против часовой стрелки и считаете до семи.

— А если я нажму не туда?

— Тогда она просто зажжёт сигарету.

— Квентин, это зажигалка. Это её обычная функция.

— Да, но у неё есть и второй режим. Взрывной. Мощность достаточная, чтобы пробить стальную дверь.

Хуан посмотрел на зажигалку с новым уважением.

— Это серьёзно.

— Очень серьёзно! Правда, — Квентин слегка замялся, — есть одна маленькая особенность.

— Какая?

— Взрывной режим работает только при температуре ниже нуля.

В «Аквариуме» стало очень тихо. Даже «Цербер-7», кажется, где-то в подвале перестал мигать.

— Ниже нуля, — повторил Хуан.

— По Цельсию. Лучше ниже минус пяти.

— Квентин. Я лечу в Мексику.

— Я знаю!

— В Мексике плюс тридцать.

— Вот и отлично! — воскликнул Квентин. — Значит, она вообще никогда не взорвётся! Абсолютно безопасно!

Хуан повернулся к даме Элеоноре.

— Мэм. Этому человеку я бы не доверил даже тостер.

— Он единственный, кто у нас есть, — сказала дама Элеонора устало. — Остальные двое уволились.

— Из-за зажигалок?

— Из-за зонта.

Хуан сунул зажигалку в карман пиджака. Не потому что верил в неё, а потому что не хотел расстраивать Квентина. В этом человеке было что-то очень трогательное: каждый раз, когда его изобретения проваливались, он смотрел на мир взглядом щенка, которого забыли выгулять, и мир, как правило, чувствовал себя виноватым.

— Остальное оборудование, — торжественно объявил Квентин, — я пришлю вам курьером прямо в Мексику. Там будут часы, ручка, ещё одна зажигалка и кое-что, что я назвал «зубная нить Пембертона». Это очень мощная вещь. Ею можно перерезать стальной трос.

— Зубной нитью?

— Да.

— Зубную нить, Квентин, используют для зубов.

— Вот именно! Никто не заподозрит!

Хуан задумался и вдруг понял, что в этом безумии, как ни странно, есть логика. Такая логика, от которой хочется держаться подальше. Но логика.

— Беру, — сказал он.

Квентин расцвёл.

— Вы лучший! Вы единственный, кто возвращает мои вещи в частично целом виде!

— Я возвращаю то, что осталось, Квентин. Это разные вещи.

Когда совещание закончилось, дождь на улице усилился. Хуан вышел из здания и остановился на набережной. Серая вода Темзы лениво ворочалась под мостом.

Он достал из кармана зажигалку Пембертона. Нажал. Нажал. Повернул колёсико. Зажигалка вспыхнула маленьким, аккуратным, совершенно безобидным огоньком. Хуан достал тонкую сигару и прикурил. Руки у него не дрожали, и это был его единственный секрет: он никогда непозволял им дрожать, потому что знал: стоит один раз дать слабину, и тело начнёт требовать этого каждый день.

Он думал о Седрике Фробишере.

Они виделись всего дважды. Первый раз на курсах в Форт-Монктоне, куда Хуана вызвали читать лекцию по «Культурной мимикрии в полевых условиях». Фробишер сидел в первом ряду, записывал каждое слово и ни разу не улыбнулся. Хуан тогда подумал: этот человек скоро сломается или станет легендой.

Второй раз они виделись в лифте.

— Вы тот самый Мазальтов? — спросил тогда Фробишер.

— Смотря чей вы знакомый.

— Я слышал, вы пьёте на задании.

— Я пью на всех заданиях, — сказал Хуан. — Просто на некоторых никто не видит.

Фробишер посмотрел на него молча. Потом, к огромному удивлению Хуана, вдруг тихо сказал:

— Я завидую вам.

— Мне?

— Вы умеете жить так, будто в любую минуту можете умереть. А я... я всегда жил так, будто у меня есть время.

Лифт остановился. Двери открылись. Фробишер вышел, не оборачиваясь. Это был последний раз, когда Хуан видел его живым.

Теперь у Хуана в кармане лежала карточка из ресторана, а в ушах стоял шёпот: «Текила никогда не врёт».

Он вытащил из-под мышки бутылку «Эррадуры», откупорил её и, прежде чем сделать глоток, медленно вылил немного текилы на мокрый асфальт. Золотая струйка растеклась по камню и ушла между плитами в сторону реки.

Для англичанина это было бы расточительством. Для Фробишера, который не терпел ни капли алкоголя, это, наверное, был бы оскорблением.

— За вас, Седрик, — сказал Хуан тихо. — В первый и последний раз. Обещаю, что найду того, кто это сделал. И обещаю, что, когда найду, он пожалеет, что не научился пить чай.

Он отпил глоток, закрыл бутылку и убрал её во внутренний карман, где она давно жила как постоянный жилец.

Сзади раздались шаги.

— Сэр! — крикнул кто-то. Хуан обернулся. Это был Брайан. Охранник выскочил из будки с зонтом и бежал по набережной, смешно размахивая руками. Остановился, переводя дыхание.

— Сэр, вы забыли свой пропуск.

— У меня нет пропуска, Брайан.

— Знаю, сэр. Но система просила передать: пока вы находитесь на территории, она вынуждена вас помнить. И поэтому, — он смущённо кашлянул, — когда вы уходите, она хочет, чтобы вы... расписались в книге выхода.

— «Цербер-7» хочет, чтобы я расписался?

— Она сказала, что без этого не может оформить вашу угрозу как снижающуюся.

Хуан достал из кармана золотую ручку, которой пользовался редко, потому что подписывал в основном чеки, и поставил подпись на листе, который протянул Брайан. Подпись была размашистая, красивая и абсолютно нечитаемая. Брайан взглянул на неё с благоговением.

— Спасибо, сэр. Система отметила: «ОБЪЕКТ УДАЛЯЕТСЯ. УРОВЕНЬ УГРОЗЫ ПОНИЖЕН». И... — Брайан смутился. — Она добавила: «ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ С ТАКИМИ УСАМИ».

— Передайте «Церберу», — ск

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.